

Какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ ¹⁾.

Въ 1885 году минуло ровно 25 лѣтъ со времени подписанія Айгунскаго трактата въ Пекинѣ, заключеннаго графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ съ китайскими уполномоченными въ 1858 году, по которому весь Амуръ, а также и Уссурийскій край вплоть до порта Посъета, на границѣ Кореи, отошли къ Россіи.

По этому случаю, с.-петербургское общество для содѣйствія русскому торговому мореходству назначило особое собраніе своихъ членовъ для того, чтобы ознаменовать этотъ день 25-лѣтія присоединенія къ Россіи Уссурийскаго края какимъ-либо административнымъ предпріятіемъ на предметъ русскаго мореходства въ восточныхъ водахъ Тихаго океана, такъ какъ Владивостокъ, въ то время еще незначительное наше поселеніе, замиралъ въ торговой бездѣятельности.

На это собраніе былъ приглашенъ графъ Игнатъевъ, какъ первый виновникъ того, что Айгунскій трактатъ былъ подписанъ въ Пекинѣ, и что всѣ требованія Россіи по этому трактату были удовлетворены китайскимъ правительствомъ.

Открывъ собраніе, предсѣдательствующій его Михаилъ Ильичъ Кази обратился къ графу Игнатъеву съ привѣтственнымъ словомъ, въ которомъ онъ напомнилъ присутствующимъ всѣ великія заслуги Николая Павловича передъ нашимъ отечествомъ.

¹⁾ Въ виду особаго интереса къ заслугамъ Россіи графа Н. П. Игнатъева, воспроизводится одна изъ версій событія „какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ“. Версія этого событія была воспроизведена К. А. Губастовымъ въ его рѣчи, произнесенной 30 ноября 1908 г. въ с.-петербургскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ и журналѣ „Былое“.

Ред.

На это графъ Игнатъевъ отвѣтилъ такъ: „Я только былъ исполнителемъ воли моего Государя“...

И все это, сказанное тогда графомъ Игнатъевымъ, мною было записано вполнѣ точно и передается теперь почти что съ фотографической точностью.

Но время 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія, какъ извѣстно, было очень строгое въ политическомъ отношеніи, и всякій дипломатическій шагъ Россіи, обыкновенно, составлялъ государственную тайну. Поэтому графъ Игнатъевъ, прежде, чѣмъ сказать что-нибудь о томъ, какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ въ Пекинѣ, взялъ со всѣхъ насъ, присутствовавшихъ на собраніи общества, слово, что мы будемъ молчать объ этомъ до конца его жизни. — „А тамъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ“, — добавилъ онъ, — „говорите, что хотите“.

Мы дали свое слово не разглашать дипломатической тайны, сообщенной намъ графомъ Игнатъевымъ.

Но теперь настало время повѣдать объ этомъ русскому міру, такъ какъ Николай Павловичъ уже скончался 20 іюня 1908 года.

— Къ сожалѣнію, началъ графъ Игнатъевъ свою рѣчь, — наше правительство ничего не сдѣлало для новаго края, присоединеннаго къ Россіи въ 1860 году...

Въ его рѣчи здѣсь звучала скорбная нотка, исполненная недовольства „петербургской политикою“...

— Владивостокъ остался порто-франко, продолжалъ онъ, — иностранцы въ немъ ховаяничаютъ, а мы только наблюдаемъ за этимъ изъ своего далека... Наши переселенцы вымираютъ, не зная, къ чему приложить рукъ своихъ... Морскія богатства эксплуатируются американцами при любезномъ содѣйствіи имъ въ этомъ случаѣ русскаго контрагента Филипеуса... Амурское пароходство едва влачитъ свое жалкое существованіе, праздно поглощая только государственную субсидію... А между тѣмъ Востокъ готовится къ борьбѣ съ ними...

Японцы уже прислали своихъ государственныхъ піонеровъ къ намъ, въ Россію въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, обучающихся теперь въ Петербургскомъ университетѣ... Одинъ изъ нихъ уже вышелъ японскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, — Токузиро Ннеси, — отозванный теперь на свою родину съ тѣмъ, чтобы тамъ составить о Россіи такую книгу — памфлетъ, отъ которой не повдоровилось бы даже и нашимъ мудрецамъ... Китайцы также подняли голову и, благодаря внушенію англичанъ, уже прислали къ намъ въ Россію свое постоянное

посольство въ 1878 году... Такъ что по всему этому азіатскому задору съ Россією, можно думать, что намъ грозитъ въ близкомъ будущемъ на Тихомъ океанѣ не малая буря... А мы даже не позаботились до сихъ поръ сдѣлать изъ Владивостока оборонительнаго пункта... На Сахалинѣ же пока нѣтъ ничего кромѣ жалкой колоніи ссыльныхъ... Но и это возникло совершенно случайно... Благодаря лишь нѣкому г. Г—ву (онъ еще живъ и теперь), предложившему генералу Мезенцову (бывшему въ то время шефу жандармовъ) — въ 1877 г. сослать всѣхъ красно-соціалистовъ на островъ Сахалинъ, чтобы они не мѣшали мирнымъ гражданамъ страны жить въ порядкѣ и законности... Между тѣмъ этотъ необитаемый до сихъ поръ островъ преисполненъ всякихъ естественныхъ богатствъ, какъ говорятъ намъ объ этомъ побывавшіе тамъ недавно американцы и пообслѣдовавшіе его сокровища... Что касается Уссурийскаго края, то Петербургъ махнулъ на него рукой, говоря, что это такая часть свѣта, до которой недоскачешь во вѣки... О желѣзной же дорогѣ до Владивостока, конечно, нечего и думать... А между тѣмъ она могла бы быть проведена еще въ 1864 году, когда сибирскіе купцы, будучи въ то время въ Нижнемъ Новгородѣ на открытіи московско-нижегородской желѣзной дороги, предлагали Государю Императору Александру II проложить рельсовый путь отъ Нижняго-Новгорода до Иркутска на свой счетъ, ассигновавъ на это 60 милл. рублей. Но петербургскіе акціонеры волжскаго пароходства нашли этотъ параллельный рѣкѣ Волгѣ рельсовый путь очень опаснымъ для себя конкурентомъ... И такъ Дальній Востокъ былъ обреченъ влечить свое жалкое существованіе... А между тѣмъ я, для того, чтобы закрѣпить его за Россією, жертвовалъ своей жизнью... И случилось это вотъ какъ. Заключенный въ 1858 г. графомъ Муравьевымъ Айгунскій трактатъ былъ переданъ мнѣ для подписанія его въ Пекинѣ. Въ то время въ Китаѣ былъ регентомъ принцъ Кунгъ, человекъ умный, но нерѣшительный... На мое предложеніе подписать Айгунскій трактатъ, онъ, обыкновенно, по восточной привычкѣ, кормилъ меня легкими завтраками... И такъ тянулось время довольно долго. Наконецъ, наступилъ 1860 годъ. Тутъ была объявлена война Китаю англо-французами. Соединенная армія обоихъ государствъ обложила Пекинъ. По этому случаю всѣ иностранныя посольства должны были покинуть китайскую столицу. Вмѣстѣ съ другими посланниками, выѣхалъ и я изъ Пекина. Поселившись на своемъ стаціонерѣ (кораблѣ), я три мѣсяца крейсиро-

валъ по Печилійскому заливу. Но мнѣ скоро наскучило это изгнаніе мое изъ китайской столицы, и я вновь надумалъ возвратиться въ Пекинъ. Но въ это время все еще продолжалось обложеніе китайской столицы соединенными англо-французскими войсками. Поэтому на мое рѣшеніе возвратиться въ Пекинъ, всѣ мои сотрудники отозвались самымъ нерѣшительнымъ образомъ... Проще говоря, меня признали въ тайнѣ сумасшедшимъ человѣкомъ... Какъ это, думали они. — онъ можетъ проникнуть въ Пекинъ, когда городъ окруженъ неприятельской арміей и на улицахъ китайской столицы всюду воздвигнуты сотни всевозможныхъ неприступныхъ баррикадъ, взять которыя можно только большой вооруженной силой... Но я рѣшился идти одинъ... Взявъ съ собою нѣсколькихъ кавасовъ (казаковъ), я покинулъ свой стаціонеръ... Но прежде чѣмъ отправиться въ путь, я сказалъ своимъ людямъ, что насъ всѣхъ ожидаетъ въ осажденномъ Пекинѣ страшная безызнатность... Почему знать, добавилъ я, — быть можетъ мы тамъ сложимъ свои буйныя головы... Но за то мы исполнимъ сыновній долгъ передъ своей родиной, и за это насъ вспомнить добрымъ словомъ благодарное потомство... На этотъ мой голосъ отозвались всѣ нижніе чины своей готовностью слѣдовать за мной, куда угодно... Такова обыкновенно довѣрчивая русская простая душа... Но я взялъ съ собою только нѣсколькихъ избранныхъ изъ всѣхъ, наиболѣе крѣпкихъ и выносливыхъ, стойкихъ людей...

За нихъ мнѣ поклялась вся моя посольская команда... И вотъ я подъ Пекиномъ... Англо-французская цѣпь, оковавшая своимъ желѣзнымъ кольцомъ всю китайскую столицу кругомъ ся каменной оградой, преградила мнѣ дальнѣйшій мой путь... Я къ главнокомандующему соединенной англо-французской арміи за разрѣшеніемъ... чтобы онъ пропустилъ меня черезъ цѣпь... Но тотъ на дыбы... „Что вы, что вы, какъ это можно!“ сказалъ онъ. — „Весь городъ на военномъ положеніи... Четыре милліона людей въ немъ бродятъ по улицамъ, оберегая тысячи баррикадъ!.. А вы въ городъ... Да развѣ это возможно?.. Что вамъ жизнь надоѣла что ли?.. Ну тогда, какъ знаете... Идите... Я въ томъ вамъ не препятствую“...

И получилъ предписаніе умереть, или быть живымъ въ Пекинѣ, сказалъ я главнокомандующему. — „Ну теперь я понимаю“, сказалъ онъ. — „Дилемма эта поучительная... она чисто русская... совсѣмъ въ вашемъ духѣ... Ну, дай Богъ вамъ всякаго благополучія... Я съ сердечной радостію готовъ буду

васъ встрѣтить послѣ войны“... И такъ я, получилъ разрѣшеніе отъ главнокомандующаго соединенной англо-французской арміей прослѣдовать черезъ цѣпь, плотнымъ кольцомъ оковавшую китайскую столицу, и пошелъ въ Пекинъ... Но прежде, чѣмъ подойти къ городу, я переодѣлся въ китайское мандаринское платье, нанялъ для себя особый роскошный по-мѣстному палаккинъ и, помѣстившись въ немъ, вооружилъ себя двумя пистолетами.

Люди мои также всѣ были вооружены пистолетами, ружьями черезъ плечо и шашками наголо... Подойдя къ городской стѣнѣ, я увидѣлъ на ней массу китайцевъ, потрясающихъ въ мою сторону дрекольями... На это я имъ отвѣтилъ угрозою своихъ пистолетовъ, а людямъ моимъ приказалъ немедленно открыть мнѣ ворота...

„Смѣлость города беретъ“, какъ говоритъ русская народная пословица;—а по китайскому убѣжденію выходитъ такъ, что „если онъ идетъ, то имѣетъ право, а имѣющему право—отказаться нельзя“...

И такъ я, воспользовавшись этимъ китайскимъ „народнымъ правомъ“, вошелъ безпрепятственно въ Пекинъ. Но здѣсь меня ожидала тысяча другихъ препятствій, пребороть которыя нужно было упорнымъ трудомъ, чтобы потомъ достигнуть дома русскаго посольства... То-есть, мнѣ нужно было пройти городомъ пятнадцать верстъ черезъ тысячи разныхъ баррикадъ, поставленныхъ на тѣхъ улицахъ Пекина, черезъ которыя я шелъ, ведя при этомъ непрестанную борьбу съ охранителями всѣхъ баррикадъ и разрушая при этомъ всѣ препятствія, мѣшавшія мнѣ на всемъ моемъ длинномъ пути...

Сотни разъ намъ грозила здѣсь мучительная смерть отъ десятковъ тысячъ озвѣрѣлыхъ азіатовъ, измученныхъ своимъ безъизвѣстнымъ положеніемъ отъ трехмѣсячной осады Пекина англо-французской соединенной арміею... И появленіе мое здѣсь, на улицахъ китайской столицы, среди тысячъ баррикадъ, защищаемыхъ несмѣтными толпами мѣстной голодной черни, вызвало страшный ревъ среди этой живой стихіи, и она, какъ видно было, каждую данную минуту готова была предать насъ мучительной смерти...

Но такъ какъ мы пошли на этотъ подвигъ съ тѣмъ, чтобы умереть, то смерть намъ не страшна была своей зіяющей пастью, и мы ее равнодушно искали для себя на каждомъ шагу нашего движенія, но не нашли ее, такъ какъ Богъ не назначилъ намъ ее въ удѣлъ на этомъ чудовищномъ мѣстѣ.

Только къ вечеру того дня, въ который я вошелъ въ Пекинъ, мы добрались до дома русскаго посольства... Но здѣсь насъ встрѣтили страшно изумленные лица... Тѣмъ болѣе этого нужно было ожидать здѣсь уже потому, что люди мои, страшно измученные борьбою съ разрушеніемъ множества баррикадъ на нашемъ пути, настолько были не похожи на самихъ себя, что ихъ даже не узнали тутъ общіе старыя знакомые... Да и я тоже едва былъ въ состояніи отвѣчать на привѣтствія, оказываемыя мнѣ...

Но, несмотря, однако, и на это мое утомленіе въ пути, мнѣ еще въ тотъ же вечеръ суждено было рѣшить судьбу бѣднаго Китая въ войнѣ его съ англо-французами... и добиться при томъ подписанія нашего Айгунскаго трактата...

А случилось это вотъ какъ. Не успѣлъ я придти въ домъ русскаго посольства, какъ ко мнѣ тотчасъ же явился регентъ Китая, принцъ Кунгъ, окруженный цѣлымъ сонмомъ своихъ приближенныхъ... На немъ, однако, не было лица... Такъ онъ былъ при этомъ взволнованъ, выражая мнѣ свое удивленіе... „Какъ это вы очутились здѣсь“? весь дрожа отъ волненія, спросилъ меня принцъ.—„Вѣдь городъ давно находится въ революціи, на его улицахъ тысячи баррикадъ и милліоны волнующихся при нихъ людей, а вы рѣшились идти сюда?!!“

На это я ему отвѣтилъ тѣми же словами, что и сказалъ главнокомандующему англо-французской арміею... Принцъ страшно былъ пораженъ моею рѣшимостью...—„Но что намъ дѣлать?!“ вдругъ, измѣнивъ тонъ, спросилъ онъ меня,—„Пекинъ обложенъ непріятельской арміею, народъ въ революціи, а мы ничего не можемъ придумать, какъ намъ рѣшить эту проблему: продолжать ли дальше нашу трагедію или покончить ее на этомъ актѣ?!!“—„Вы спрашиваете моего совѣта, принцъ?“ рѣшительно поставилъ я ему вопросъ. „Да“, отвѣтилъ онъ въ волненіи.—„Такъ я вамъ дамъ его... Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, вы подпишете Айгунскій трактатъ“.—„Ахъ!“ въ волненіи произнесъ принцъ и тутъ же подписалъ намъ договоръ...—„Ну... а теперь я вамъ скажу, что нужно будетъ дѣлать съ вашей трагедіею“, спокойно сказалъ я регенту... „Заклучите миръ съ англо-французами и сдѣлайте имъ всѣ уступки, о которыхъ они васъ просятъ“... И на другой же день послѣ моего прихода въ Пекинъ, Китай заключилъ миръ съ англо-французами, и осада китайской столицы соединенной арміею была снята... И съ тѣхъ поръ Китай не зналъ, какъ и выразить Россіи свою глубокую признательность за ея посредничество въ этой не-

счастной войнѣ... Несчастной потому, что четыре милліона жителей Пекина три мѣсяца тряслись отъ своей страшной безъизвѣстности, а тридцать тысячъ англо-французскаго соединеннаго войска боялись войти въ городъ, переполненный милліонами народа... Но европейцы менѣе благодарны, чѣмъ азіаты... Они и послѣ этой услуги, оказанной имъ Россією, продолжали интриговать противъ насъ въ Азіи... Но китайцы этого не дѣлали...

Когда графъ Игнатъевъ закончилъ этими словами свою простую рѣчь, то мы всѣ въ одинъ мигъ разразились дружными аплодисментами и громко прокричали ему „ура“!.. Но насъ при этомъ волновало совсѣмъ другое чувство... Намъ всѣмъ хотѣлось обнять его и осыпать горячими поцѣлуями... До того насъ тронулъ его безхитростный рассказъ, что мы каждую минуту ждали въ немъ трагической развязки на улицахъ Пекина, но Богъ спасъ нашего героя... Онъ сидѣлъ передъ нами живой и здоровый...

Таково было наше впечатлѣніе отъ рассказа графа Игнатъева... Вотъ при какихъ условіяхъ былъ подписанъ въ Пекинѣ нашъ Айгунскій трактатъ съ Китаемъ...

Думаемъ, что за такой подвигъ графа Николая Павловича Игнатъева наше благодарное потомство почтитъ его достойнымъ мавзолеемъ!..

С. Глѣбовъ.

